

ЛЕОНИД СУРИН

САЛАВАТ

В городе Уфе – столице Башкортостана – на обрывистом крутом берегу реки Белой взметнулся над самым обрывом гигантский всадник. В башкирской шапке, отороченной лисьим мехом, с нагайкой в руке, он поднял лихо коня на дыбы над гранитным парапетом и, кажется, еще секунда – и он скакнет с необозримой высоты через реку на другой берег, где раскинулись вольные леса.

Виден этот всадник издалека: и из окон пассажирских поездов, то и дело проходящих по железнодорожному мосту, перекинутому через Белую, и из окон красавцев-пароходов, плывущих мимо крутых берегов вверх и вниз по реке.

Это – памятник башкирскому народному герою Салавату Юлаеву. Немало поэтических сказаний и красивых легенд ходит до сих пор в народе о Салавате Юлаеве. Одну из таких легенд автор этих строк опубликовал в книге «Учитель из Юрюзани», изданной Челябинским государственным книжным издательством в 1951 году. Вот она, эта легенда, вложенная в уста старого башкира.

Много-много лет назад в юрте Юлая родился Салават. Юношей был он прекрасен, как молодой месяц, быстр и ловок, как лесной олень, и смел, как горный орел. Не одна башкирская красавица с надеждой ловила его взор, но мало прельщали Салавата аульные красавицы. Больше всего на свете любил он своего коня, тугой лук да песни, складывать которые был великий мастер.

Салават был еще ребенком, когда на башкирскую землю пришла беда. Жадные до наживы русские купцы захватили земли башкир, объявили своими их леса. Плакал он горя седой поэт Мурадым, когда пел песни об

этом. У захватчиков были ружья и пушки, у башкир – копья и стрелы. Куда пойдешь с ними против пушек? Покорился народ, но не смирился, затаив ненависть к жадным пришельцам. Так уголек тлеет внутри костра, и настает время, когда костер вспыхнет жарким пламенем.

Много думал Салават о горькой судьбе своей Родине и своего народа, и глубокая морщинка легла поперек его лба от этих тяжелых дум.

Любил Салават выезжать поутру на горячем коне и, подставляя грудь вольному ветру, петь песни о том, что было дорого его душе, но больше всего любил он, переправившись через реку, сидеть на большом камне, смотреть в быструю воду и мечтать о хорошей жизни для своего народа.

И вот однажды ехал он по берегу, направляясь к заветному камню, и задумчиво пел грустную песню:

О, Урзень-река,
Ты бежишь меж гор,
Между скал крутых извиваешься
И несешь свои воды быстрые
В степи вольные и широкие.
Если б знала ты, Юрюзань-река,
Как народ родной горе мыкает,
Под ногой врагов задыхается,
Кровью алою умывается.
Не стерпела б ты, Юрюзань-река,
От сиротских слез грозно вспенилась
И смела с земли орды недругов.

Так пел Салават, когда донесся до его слуха стук копыт. Глянул батыр и увидел внизу у самой воды двух всадников в солдатской одежде, а между ними сгорбленного человека в лохмотьях.

Шел этот человек меж двух лошадей, низко нагнув голову, ступая босыми ногами по острым камням, и кровь текла по его пальцам. Был он широкоплеч и могуч, но, выбившись из сил, шатался, как сосна в непогоду, и давно упал бы, если бы не веревка, которой были связаны его руки. Конец веревки держал один из солдат.

«Вот гяуры схватили еще одного башкира. Надо выручать!» Так сказал себе Салават, и выхватив саблю, как буря, налетел на врагов. Один из солдат упал с седла с разрубленной головой, другой ускакал в великом страхе.

Вложив саблю в ножны, увидел Салават, что спасенный им человек лежит недвижим, уткнув голову в песок. Разрезал он тугую веревку, зачерпнул воды и повернул того человека лицом к солнцу.

- Спасибо, батыр, - прошептал спасенный, очнувшись. Были у него черные усы, густая черная борода, а глаза сверкали, как угли.

- Урус! Русский! – угрюмо пробормотал Салават.

- Или не рад ты, батыр, что освободил меня? – спросил Черная Борода и усмехнулся.

- Когда волки грызутся между собой, какое дело башкиру до этого? – нахмурясь, отвечал Салават, а человек с черной бородой опять усмехнулся и сказал:

- Вижу, не любишь ты русских, батыр.

- А за что мне любить вас? – с болью и гневом вскричал Салават. – Вы отняли нашу землю! Вы рубите наши леса! Вы хватаете наших девушек... Смотри, вот уголек от башкирской деревни! Ее спалили русские!

Покачал головой в ответ на эти слова Черная Борода и промолвил тихо и грустно:

- Плохо видишь ты, батыр, и в глазах твоих туман.

Гордо блеснули глаза Салавата, и взглянув на небо, он сказал одно только слово:

- Смотри!

Там, высоко над землей, в поднебесье, едва заметной точкой парил орел. Выхватил стрелу могучий батыр, натянул лук – и упала птица в его ногам, пронзенная в самое сердце. Молча протянул Салават убитую птицу Черной Бороде.

- Глаз твой зорек, а рука тверда, батыр, - спокойно сказал русский и поднялся с земли, шатаясь. – Но не видят правду твои глаза. Скажи: разве все русские одинаковы? Посмотри, как живут на твердышовских заводах русские мужики. От темна до темна гнут они спины у раскаленных печей и не ведают, что такое радость. Батоги и плеть – одна им награда за эту каторгу. Разве они отняли у башкир землю? И разве сами башкиры все одинаковы? Посмотри хорошенько, батыр! Отгони туман от своих глаз! Почему одному нечем прикрыть свою наготу, а другой ходит в шелковых халатах? Где же справедливость? Отвечай, батыр!

Так сказал Черная Борода, и глубоко задумался Салават над его словами. Долго молчал он, опустив голову, и наконец, ответил:

- В твоих речах есть правда, русский. Я подумаю.

- Подумай, батыр! Хорошенько подумай! А теперь прощай! Обнял его Черная Борода и зашагал по берегу.

- Пстой! – закричал Салават. – Как зовут тебя, русский?

- Пугач – мое имя, и ты обо мне еще услышишь!

Так сказал Черная Борода, махнул рукой на прощанье и скрылся в кустах.

И часто с тех пор стал приезжать сюда Салават-батыр, и пока конь его бродил по берегу и щипал сочную траву, он сидел на любимом камне под скалой и думал великую думу о тех словах, что запали так глубоко в его сердце. Задумчиво уронив голову на руки, спрашивал батыр:

- Правда ли, о, Урзень-река, что урус-бедняк и бедняк-башкир

По своей судьбе братья кровные?

И беда у них тоже общая?

И враги у них одинаковы?

А река ласково журчала в ответ, и слышалось Салавату в ее журчании:

- Да, правда, батыр...

А вскоре пришел с юга, из уральских степей, слух, что объявился там справедливый царь, который и русских, и башкир жалует землей, и лесами, и волей. Собрал тогда Салават своих друзей и привел их в народную армию. А взглянув на русского батыра, сразу узнал в нем человека с черной бородой, которого спас на берегу Юрюзани.

- Узнаешь ли ты меня, батыр? – спросил Черная Борода.

- Узнаю.

- А веришь ли, что я – царь?

- Мне нет дела до того, кто ты, - смело отвечал Салават. – Но ты идешь за землю и волю для народа, и вот тебе моя сабля! Она будет служить тебе, пока видят мои глаза и бьется сердце.

- Добро, - усмехнулся Черная Борода. – Будешь у меня полковником.

Много народу видел здесь Салават. Были тут и русские с уральских заводов, были здесь мордва и чувашаи, башкиры и татары. На разных языках говорили эти люди, но у всех были мозоли на руках и одеты они были в лохмотья. И понял тогда Салават-батыр, что роднит людей не язык, а одинаковые думы, стремления и цели. Много заводов, крепостей и селений взял восставший народ, и царица далеко-далеко, в большом городе дрожала от страха и не спала ночей.

Но не пришло еще, видно, то время, чтобы добро победило зло, а свет – тьму. Разбиты были отряды батыра Пугача, а по следам Салавата кинулись царские слуги, не давая ему ни сна, ни отдыха ни днем, ни ночью.

Один за другим гибли в боях его друзья и соперники, и оставшись один, весь израненный, переплыл Салават Юрюзань-реку и упал без сил возле камня, на котором думал когда-то свою великую думу. Слева – скалы, впереди – лес, а сзади – погоня. Вот уже слышно, как ржут и бьют о камни копытами солдатские кони. И глядя на хозяина умными, понимающими глазами, жалобно заржал Салаватов конь.

Шатаясь, весь окровавленный поднялся батыр с земли и выпрямился, опираясь на саблю. И в этот миг за рекой напротив выскочила из лесу погоня, и офицер, поднявшись на стремянах, закричал ликующе и громко:

- Вот он! Хватайте его!

И сейчас же десяток солдат направили коней в быструю воду Юрюзань-реки.

Когда увидел царских солдат Салават-батыр, шатаясь, как дерево в непогоду, шагнул он к своему коню и хотел взобраться в седло. Но так ослабел он от потери крови, что едва поднял ногу в стремя, свалился на землю.

Понял тогда могучий батыр, что не уйти ему от погони, и приподнявшись, застонал в душевной муке и крикнул громовым голосом:

- О, родная мать – земля башкирская и Урзень-река вольная, я люблю вас больше жизни! Неужели отдадите вы меня злым недруга?! Тогда убью я лучше сам себя, но в плен не вдамся!

Сжал слабеющей рукой Салават-батыр острую саблю и занес ее над головой, чтобы пронзить горячее сердце. Но в этот миг среди ясного неба ударил гром. Зашатались седые от времени скалы, раздвинулись и открыли широкий ход в глубь земли, в их грохоте услышал Салават:

- Иди, батыр, мы укроем тебя.

Закачались деревья и травы, согнули свои вершины и прошелестели тихо и нежно:

- Иди, о батыр!

Собрал тогда Салават последние силы и, зажимая рукой кровавую рану, шагнул в открывшуюся расщелину, а следом за ним побрел его верный боевой конь.

И сомкнулись за ним скалы на глазах у изумленных царских слуг. В страхе и смятении повернули они обратно своих коней, но вспенилась и забурлила гневно Юрюзань-река, закрутила и закружила ошеломленных всадников, и ни один из них не вышел на берег, спаслись только кони.

Так укрыла родная земля своего героя.

Долгие годы прошли с тех пор. И нет-нет да появлялся из-под земли сказочный всадник, перед которым трепетали все угнетатели.

В гражданскую войну сражался на берегах Юрюзани партизанский отряд. Окружили партизан каратели. Долго отбивались партизаны от наседавших врагов, а кольцо все сжималось. Ранен был командир отряда и

уже третий день лежал под сосной в горячем бреду. А остальные – маленькая горстка смертельно уставших людей – тоже почти все были ранены. Уже не оставалось у партизан патронов, уже не было у них пищи, а вся надежда – пулемет с единственной лентой. И когда стало совсем плохо, комиссар сказал людям:

- Пробивайтесь на юг, спасайте командира. Я останусь с пулеметом и постараюсь их задержать.

И все поняли, что иного выхода нет, и угрюмо принялись готовиться к бою.

Когда стемнело, поднялась, завывала на тысячи голосов метель, и в снежном вихре увидели вдруг люди, как появился перед ними всадник на белом коне.

Точно из-под земли вырос он, этот могучий сказочный всадник с глазами, горящими из-под мохнатой башкирской папахи, как раскаленный металл.

- Ступайте за мной! – прокричал он им сквозь свист и вой ветра и взмахнул нагайкой, указывая путь.

И все поднялись, ни о чем не спрашивая, и поддерживая друг друга, шатаясь и падая, увязая в снегу, побрели вслед за всадником на белом коне.

А он не страшась вел их прямо на белогвардейских солдат, глядя вперед сверкающими очами. И в страхе расступились перед ним белые каратели, не смея поднять руку на небывалого всадника, в чьих глазах горели правда и справедливость.

Так прошли они много верст, неотступно следуя за чудесным всадником на белом коне, и Салават вел их за собой. А метель была все сильней и сильней, и ослепленные снежным вихрем люди, наконец, потеряли

из виду всадника, ехавшего впереди. Он растаял в снежном вихре, крикнув на прощание:

- Айда вперед! Вперед!

Так прошли они еще сотню шагов, и вдруг утих буран, словно его и не бывало, и в морозном небе засияли яркие звезды. Темным силуэтом показалась впереди охотничья избушка, и еле живые от усталости вошли люди в эту избушку и повалившись кто на пол, а кто на нары, заснули мертвым непробудным сном. Настало утро, и утром никто из людей, чудом вырвавшихся из цепких лап смерти, не вспоминал о сказочном всаднике на белом коне, потому что каждый думал, что это – его сон. И только позднее, когда уже окончилась война и люди вернулись к мирному труду, история эта получила огласку, и передаваясь из уст в уста, стала легендой. Прекрасной легендой о свободе и счастье, завоеванных в упорной борьбе.

Такова легенда о Салавате Юлаеве. Одна из многих десятков сложенных о нем легенд. Но каковы же факты? Что известно сейчас историкам об этой легендарной фигуре прошлого, чья слава пережила века? Какими неоспоримой достоверности фактами о Салавате Юлаеве, его жизни, его борьбе и его подвигах располагает историческая наука? О Салавате Юлаеве – таком, каким он был не в легенде, а в жизни – наш дальнейший рассказ, собранный по крупицам на протяжении многих лет.

***

...Если вам доведется когда-нибудь ехать на машине по шоссейной дороге от станции Кропачево в северном направлении, в сторону села Малояз, центра Салаватского района Башкирии, вы непременно обратите внимание на аккуратно выложенную на холме рядом с дорогой белую каменную надпись: «Родина Салавата Юлаева».

В этих местах, по одним данным, 16 июня 1752, а по другим источникам, на два года позднее в семье башкирского старшины Юлая

Азналина родился Салават Юлаев. Родная деревня его носила название Текеево. Однако в настоящее время напрасным занятием будет искать на географической карте такую деревню. Она была сожжена столетия назад царскими карателями дотла, и сейчас можно только приблизительно указать среди березового леса, окружившего деревню Юлаево (в старое время эта деревня называлась Шиганаево), то место, где два с лишним века назад находилась родина Салавата. Свои молодые годы Салават провел в Текеево и в отцовской деревне Азналы.

Ракай, Сулейман и Салават – так звали трех сыновей Юлая Азналина. Салават был самым младшим, но он не только не уступал старшему и среднему братьям, но и во многом превосходил их в физической силе и ловкости. По обычаю дедов и прадедов Юлай усадил Салавата в седло, едва тому исполнилось три года. А в пять лет маленький Салават уже как лихой наездник вскакивал на коня самостоятельно, без посторонней помощи.

Скачки на горячих скакунах, которые паслись в отцовском табуне, меткая стрельба из лука, национальная борьба – все это, без сомнения, способствовало развитию незаурядных физических данных Салавата, его силе и ловкости, смелости и удали. Отец был для юноши непререкаемым образцом и примером во всем. А Юлай Азналин и в самом деле имел полное право считаться незаурядным человеком.

Писатель-краевед Ф. Нефедов в статье, опубликованной в журнале «Русское богатство» еще в дореволюционные годы, так характеризует Юлая Азналина:

«Юлай был человеком богатым, умным и влиятельным. Он пользовался общим уважением со стороны башкир и несколько раз подряд занимал по выборам должность волостного старшины. Местные власти относились к башкирскому старшине с доверием... В 1768 году оренбургский губернатор князь Путятин сам назначил Юлая старшиной. Но

он в действительности не был тем, кем искусно умел казаться. На глазах Юлая пылали башкирские селения, разорялся край. Юлай не мог оставаться равнодушным зрителем».

На участие Юлая Азналина в народных восстаниях задолго до восстания Пугачева указывает Александр Сергеевич Пушкин. «Старый мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 года» - так называет Пушкин Юлая Азналина в своей «Истории Пугачева». Таков был отец Салавата. Но очень многое воспринял юноша и от матери. Грамотная женщина, что по тем временам редчайшим, исключительным явлением, мать Салавата научила своего сына читать и писать арабской вязью, долгими вечерами рассказывала ему народные легенды и сказания, пела народные песни. Всестороннее развитие – так определили бы мы современным языком то воспитание, которое получил Салават в детстве от отца и матери.

Об исключительной физической силе, ловкости и выносливости Салавата, о его храбрости и мужестве на протяжении столетий сохранялось немало рассказов в башкирском народе.

«Сколько лет Салавату?

Зеленая шапка на его голове.

Если спросить о годах Салавата –

Четырнадцати лет он стал богатырем».

Народная башкирская песня, строки из которой мы привели, имеет в виду, очевидно, приключение с Салаватом, случившееся в урочище Чатырас. А было так...

Отец Салавата приказал однажды своему среднему сыну Сулейману собрать людей на сабантуй – национальный башкирский праздник. Сулейман собрался в дорогу, когда стало известно, что быстрый на ногу Салават уже успел опередить среднего брата, причем, сделал это самовольно.

- Надери мальчишке уши, - приказал Юлай Сулейману. – Пусть знает, как самовольничать.

Однако Салават не только не поддался Сулейману, но и сам наподдавал ему как следует.

Юлай, не на шутку рассердившись, ударил младшего сына. Салават вспыхнул от обиды, ни слова не говоря, выскочил из юрты, вскочил на коня и ускакал в лес.

Родная уральская природа очень скоро успокоила Салавата. Юноша остыл, понимая, что отец прав. А когда утомился под вечер, то привязал коня за ногу, чтобы упрямый скакун не смог убежать, и упав на траву, быстро уснул крепким молодым сном. Проснулся он оттого, что кто-то дергал его за ногу. Салават открыл глаза, вскочил. Лошадь испуганно ржала и металась из стороны в сторону, силясь вырвать поводья. Причину ее беспокойства распознать было нетрудно. К Салавату подкрадывался большой лохматый медведь.

Выхватив кинжал, Салават спокойно приготовился к схватке и, вступив в неравный поединок, сумел нанести лесному великану смертельную рану в сердце.

Окровавленный юноша вышел на берег Юрюзани и тут встретил кураиста (мастера игры на национальном музыкальном инструменте - курае). Кураист спешил на сабантуй.

- Почему ты весь в крови? – спросил он у юноши.

- Я только что убил медведя.

Кураист не поверил, что это мог сделать четырнадцатилетний мальчишка, вооруженный только лишь кинжалом.

- Где же медведь? – недоверчиво спросил он Салавата.

- Там, сказал Салават, указав на лесные заросли. – Идем, помоги мне снять шкуру, я еще не умею этого делать.

Шкура убитого медведя была доставлена в аул, и там музыкант по просьбе Салавата, который еще не смел показываться отцу на глаза, преподнес ее Юлаю.

Отправляясь накануне крестьянской войны в польский поход (для подавления восстания польской шляхты), Юлай оставил волостным старшиной вместо себя Салавата, хотя тому было всего восемнадцать лет. То, что он предпочел юношу старшему сыну, который был уже женат, и седобородым старцам, жившим в ауле, говорит о том всеобщем уважении, которого Салават успел добиться, несмотря на свой молодой возраст.

К периоду этого временного старшинства юного Салавата относят его резкое высказывание по адресу императрицы Екатерины Второй, о чем ей не преминули доложить.

События между тем развивались своим чередом. В начале 1773 года в казанскую тюрьму был заключен беглый донской казак Емельян Пугачев, обвинявшийся в попытке произвести возмущение среди казаков, живших на Яике. Обладавший недюжинным умом, сметливостью, многое видевший и многое испытавший, Пугачев был уроженцем той самой Зимовейской станицы, в которой некогда и Степан Разин.

«Яицкие бунтовщики были тогда нередки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника, - писал в «Истории Пугачева» А. С. Пушкин. – Пугачев содержался не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали. Однажды он под стражею двух гарнизонных солдат ходил по городу для собирания милостыни. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачев подошел к ней, вдруг оттолкнул одного

из солдат, его сопровождавших. Другой помог колоднику сесть в кибитку, и вместе с ним ускакал из городу. Это случилось 19 июня 1773 года».

В конце июля Пугачев добрался до Яика. А 17 сентября, встав во главе небольшого, но хорошо вооруженного отряда казаков, провозгласил себя императором Петром Федоровичем и повел свой пока еще малочисленный отряд на штурм первой крепости – Яицкого городка.

Так началась крестьянская война, жарким полымем народного возмущения всколыхнувшая огромный, обширный край, на территории которого свободно могли бы уместиться несколько европейских государств.

Истинное лицо убитого дворянами императора Петра Третьего весьма смутно представляли в народе. Слухи о том, что он подвергался преследованиям за то, что хотел даровать мужикам волю, но чудесным образом спасся, упорно ходили в народе. И нет ничего удивительного в том, что тысячи измученных, обездоленных людей несчетными толпами хлынули в армию Пугачева. В конце 1773 года посланный на помощь осажденному восставшими Оренбургу отряд правительственных войск под командованием генерала Кара потерпел поражение. Эта победа несказанно воодушевила восставших. И Салавату Юлаеву довелось сыграть в этой победе не последнюю роль.

К началу описываемых событий Салавату пошел всего двадцать второй год, но по распространенному, особенно в те годы, мусульманскому обычаю, он умел уже трех жен и двух сыновей.

В октябре 1773 года его отец Юлай, все еще исполнявший обязанности старшины, получил от царских властей, встревоженных успехами мятежников, строжайшее предписание. Ему приказывалось этим предписанием собрать отряд башкирской конницы для борьбы с пугачевцами.

Около ста человек собрал Юлай, подчиняясь приказу, и поставил во главе их своего сына. На резвых башкирских конях, вооруженные саблями, луками, стрелами, джигиты во главе с Салаватом двинулись к Стерлитамакской крепости, имея предписание явиться к асессору Богданову.

В Стерлитамаке отряд Салавата влился в подразделение конницы, насчитывающее уже две тысячи всадников, которыми командовал князь Ураков. Это и была та самая воинская башкирская часть, на которую очень рассчитывали каратели и которая должна была, двигаясь к Оренбургу, осажденному Пугачевым, соединиться с корпусом генерала В. А. Кара.

Однако в самый решающий момент боя по деревням Юзеевой и Биккуловой Салават Юлаев спутал все планы карательных войск. Он увел своих всадников к повстанцам, и генерал Кар потерпел поражение.

Пугачев, по достоинству оценив действия башкирской конницы, присвоил Салавату воинское звание полковника. Это был самый молодой из полковников повстанческой народной армии. В сражениях под Оренбургом Салават был ранен. Пугачев отпустил раненого полковника на родину для лечения, но попутно дал ему приказ мобилизовать башкирские народные массы в армию повстанцев.

Всего несколько дней провел Салават в родной деревне Текеево, где жила его семья и отец. Своему отцу Юлаю он привез письмо Пугачева, в котором мужицкий царь присваивал Юлаю чин полковника. С этого момента Юлай Азналин становится одним из командиров в отряде своего сына и вместе с ним принимает деятельное участие в народной борьбе.

О решительных и умелых действиях, о твердости и мужестве говорят приказы Салавата, тексты которых экспонируются в Уфимском краеведческом музее.

«В силу Указа Его Императорского Величества Петра Федоровича, я, Салават, сын старшины Юлая, категорически приказываю сотнику Ильтибаю

Илембай-оглы выступить с подчиненными ему командами против воров, являющихся врагами Его Императорского Величества милостивого государя и вести с ними сокрушительные бои, не щадя своей жизни. Для этого с каждого двора призываю без остатка всех людей, годных к несению военной службы, как верховых, так и пеших. Если же будут отказываться, то этих людей арестовывать и при своем рапорте направлять их к нам...

Именем Его Императорского Величества на страх врагам полковник Салават, сын старшины Юлая, подписался».

Для неукоснительного проведения в жизнь своих приказов, для укрепления дисциплины и беспрекословного повиновения Салават не останавливался перед крайними мерами.

И когда трое братьев-башкир отказались исполнить приказ Салавата, тот, выражаясь словами архивного документа, «всех их троих, собрав в одну той деревни избу и заперши, сожог, и дома и имения их ограбил. И потом по всей Башкирии разослал письма, утрашивая, что если кто другие таковые же неповиновения ему, Салавату, будут чинить, таковые таким же образом, как и оные три брата, истребят...».

***

Так действовал Салават Юлаев. И в то же время, чтобы оградить мирных жителей от всякого произвола, он предписывал организуемой им новой власти «со здешними гражданами поступать добропорядочно, побор, притеснений и налог ни под каким видом никому не чинить, ко взяткам не касаться».

Поставив во главе захваченного Красноуфимска нового атамана Макара Попова, Салават в январе 1774 года двинулся на Кунгур. Между башкирской конницей и отрядами русских повстанцев, которыми командовал

выдающийся деятель крестьянской войны Иван Степанович Кузнецов, установилось полное взаимопонимание и согласие. При дележе захваченных у врагов пушек Кузнецов десять орудий передал Салавату, взяв себе только семь, порох же, взятый в Красноуфимске, по-братски разделили пополам.

Под Кунгуром Салават снова был тяжело ранен в бою. Наступила весна. В мае 1774 года во главе тысячного отряда Салават вместе со своим отцом Юлаем подступил к Симскому заводу. С владельцем этого завода, как и других заводов округа, Иваном Твердышевым у Юлая Азналина были давние счеты. «Скупив» за бесценок огромные земельные угодья, заводчик, не удовлетворившись этим, в районе Симского завода стал нагло захватывать башкирские земли уже без всякой видимости «покупки». Жалоба, поданная Юлаем царской администрации задолго до начала крестьянской войны, так и осталась без движения. И вот теперь представлялась возможность свести старые счеты.

- Нехристи идут! Поднимайся против нехристей, народ православный! – призывал в своих проповедях симский священник Львов. Была сделана попытка организовать отряд для обороны Симского завода, но Салават овладел Симом без всякого труда, поскольку мастеровые были на стороне восставших.

Не только замечательным полководцем, но и государственным деятелем, стремившимся мудро разрешить все противоречия и ни в коем случае не допустить национальной розни, которая сыграла бы на руку царским войскам Екатерины Второй, проявил себя Салават на уральских заводах.

От имени мужицкого царя Петра Третьего он объявил на Симском заводе, что всем работным людям дается полная свобода и они отныне зачисляются в вольные казаки. Услышав радостную весть, мастеровые

Симского завода и крепостные крестьяне окрестных деревень немедленно присоединились к отряду Салавата.

Мудрость и дальновидность политики опытного полководца проявились и в том, что Салават на этом этапе крестьянской войны запретил разрушать заводскую церковь и строения. Только твердышевская контора, лавки и кабаки были преданы огню. К неопишуемой радости крепостных были сожжены и долговые документы.

Из Сима восставшие двинулись на Усть-Катав, который, как и все южноуральские заводы, представлял из себя крепость, окруженную высоким тыном и рвом, наполненным водой. Вопреки приказу, усть-катавские пушки не сделали по восставшим ни одного выстрела. Мастеровые, поднявшись, как один, арестовали сами всех начальников, обезоружили тех, кто еще пытался сопротивляться, захватили пороховые погреба и открыли крепостные ворота. Когда Салават во главе своего войска въехал на заводскую площадь, самые почтенные седобородые старцы встретили его, низко кланяясь в пояс:

- Примите по русскому обычаю хлеб, соль и квас, - говорили они повстанцам, протягивая поднос с угощением.

Такая же картина наблюдалась и на соседнем Юрюзань-Ивановском заводе, работные люди которого тоже встретили Салавата хлебом и солью.

Теперь на пути восставших лежал Катав-Ивановский завод, тоже принадлежавший Твердышеву. Но когда башкирская конница появилась в пределах завода и подошла на расстояние выстрела, из-за высокого частокола навстречу восставшим ударила картечь и ядра засвистели в воздухе...

***

...Едва с юга долетели до Катав-Ивановска первые грозные вести о появлении самозванца, в котором со всех сторон устремились толпы

простого люда, управляющий главным железородедействуемым заводом твердышевской округи постарался, насколько это было возможным, укрепить Катав-Ивановский завод.

Мартовское солнце еще только-только начинало пригревать повесеннему, еще всюду лежали глубокие снега, а крепостных выгнали долбить промерзшую за зиму землю.

С восточной стороны подступы к Катав-Ивановскому заводу преграждал широкий подковообразный пруд. Река Катав после ледохода тоже представляла из себя серьезную естественную преграду. С западной же стороны управляющий распорядился углубить и расширить ров. Вырытый при основании завода, он во многих местах уже успел осыпаться. Высокий тын из остроконечных бревен управляющий приказал в самых уязвимых местах поднять и нарастить еще на полтора-два аршина. Литейных дел мастера отливали новые пушки. Вместе с теми, что уже имелись ранее, их теперь было четыре десятка. Черные жерла их грозно выглядывали из бойниц. Приказчик, посланный тайком в Уфу с секретным пакетом, доставил большую партию ружей. Что касается пороху, то его в погребах было без малого сотня пудов, и управляющий рассчитывал, что всего этого припасу, бог даст, хватит, чтобы отсидеться в случае, если «злодеи» появятся в пределах Катав-Ивановского завода.

Две тысячи человек были поставлены под ружье. Местный катавский священник неустанно проводил среди всей этой вооруженной массы агитационную работу своими проповедями.

И все же управляющий был неспокоен, и беспокойство его было вполне обоснованным.

Посте того, как передовые отряды башкирской конницы, появившиеся возле завода, были обстреляны из пушек картечью, Катав-Ивановский завод сумел продержаться всего два дня. К началу третьих суток крепостные

ворота распахнулись, и сделали это сами мастеровые Катав-Ивановского завода.

Дальнейшее пошло тем же порядком, что и на соседних заводах – Симском, Юрюзанском и Усть-Катавском.

«Супротивники государя-императора» были повешены на центральной площади заводского поселка, а все остальные жители приведены к присяге на верность императору Петру Федоровичу.

***

2 мая Салават покинул Катав-Ивановск и выехал по направлению к Симскому заводу, намереваясь дать отдых своим войскам. Свою ставку он сделал в деревне Ерал, недалеко от Сима.

Всего около трех тысяч человек – башкир и русских – насчитывалось теперь в войске Салавата. Однако не зря же говорится, что у страха глаза велики. Перепуганным царским приспешникам мерещилось, что в районе Симского завода действует не меньше десяти тысяч мятежников, сформированных «вором Салаватом».

По этой причине подполковник Михельсон, находившийся со своим большим, хорошо вооруженным отрядом в Уфе, получил от генерала Голицына приказ немедленно двинуться к Симскому заводу.

6 мая он захватил Сим и на следующий же день выступил к Ералу, где, как хорошо было ему известно от лазутчиков, находился главный лагерь башкирского предводителя.

Всю эту майскую короткую и теплую ночь не сомкнул глаз Салават. Он готовил своих людей к бою.

Наступило утро 8 мая 1774 года.

На опушке леса, сидя верхом на горячем вороном жеребце, который так и плясал под ним, Салават пристальным зорким взглядом наблюдал за противником.

Михельсон готовился атаковать повстанцев с обоих флангов по всем правилам военной науки. Все солдаты маршировали под мерный рокот барабанов, растягиваясь вправо и влево. Салават, прищурившись, оглядел ряды своих конников и выхватил из ножен саблю. Старинный прадедовский клинок молнией сверкнул в лучах утреннего солнца.

- Алга-а-а-а! – закричал Салават звонким протяжным голосом и пришпорил коня.

- Алга-а-а-а! – единым ревом подхватили сотни людей.

Конная лавина двинулась на карателей. Начался жестокий многочасовой бой. 48 солдат и двух офицеров убитыми и ранеными потерял в этом бою Михельсон. Он никак не ожидал встретить со стороны восставших такое яростное сопротивление.

Плохо вооруженные и обученные повстанцы потерпели в этом бою поражение. Потеряв триста человек (характерно, что из них только 17 сдались на милость победителя) Салават переправился на правый берег Юрюзани и направился к Саткинскому заводу. Михельсон, не отрываясь, шел за ним по пятам.

С детства выросший в этих лесистых горах, где он знал каждую тропинку, Салават петлял по горам и долинам, стараясь запутать след. Так продолжалось до 2 июня, когда Михельсон, наконец, настиг Салавата у деревни Верхние Киги.

Снова завязался жаркий бой, в самый напряженный момент которого подошел со своим отрядом сам Пугачев, и ударив войску Михельсона с тыла, тем самым помог Салавату.

До сих пор на Южном Урале сохранилось немало исторических мест, связанных с именами Пугачева и Салавата Юлаева. Саткинский краевед М. Коростелев в своей интересной статье «Укрепления Емельяна Пугачева», опубликованной в «Челябинском рабочем», называет родник Салавата Юлаева на Пьяной горе в окрестностях Сатки, где, как гласит народное предание, в мае 1774 года состоялась первая встреча Салавата с Пугачевым.

Однако большинство историков сходится сейчас на том, что встреча эта произошла после сражения у деревни Верхние Киги.

Недавно, во время работы в Уфимском краеведческом музее, автору этих строк довелось ознакомиться с приказом Салавата, написанным после встречи с Пугачевым.

«Всемилоостивейший Его Императорское Величество Петр Федорович прибыл с девятью тысячами воинов к нашему Аю, - писал Салават в этом своем приказе к войскам. – Мы, как известно, встретив гусарский полк, два раза бились. Очень много людей их убили». Этот приказ был подписан званием «Главный полковник Салават».

Новый чин этот присвоил Салавату Пугачев своим Указом: «Известно и ведомо до будет каждому, что Шайтан-Кудейской волости Салават Юлаев служил полковником, а 1774 года июня пятого дня за оказанную ево в службе ревность и прилежность главным полковником пожалован».

В те времена главный полковник считался промежуточным чином между полковником и генерал-майором.

В горнозаводских районах Башкирии Емельян Пугачев появился после неудач, которые потерпел под Оренбургом, так и не сумев взять город. Заводы Южного Урала послужили в этот период крестьянской войны базой снабжения пугачевских войск. Но эти же заводы могли послужить и карателям, как только счастье стало изменять народному вожаку.

По этой причине, отступая в первых числах мая из Белорецка, Пугачев распорядился сжечь завод, чтобы он не достался карательным войскам Екатерины Второй. Вслед за тем приказ о разрушении был распространен и на другие южноуральские заводы.

23 мая Салават и Юлай сожгли до основания Симский завод, который во время первого прихода башкирских войск был сохранен. Уничтожая завод, войска Салавата, как о том можно прочитать в архивном документе, «жителей тамошних, выведя всех в степь, отпустили». Сожжению и разрушению подверглись Юрюзанский, Усть-Катавский и многие другие заводы Южного Урала.

Катав-Ивановский завод подвергся меньшим разрушениям. Плотина, стены домен, молотовая фабрика, даже мучная мельница оказались не поврежденными.

***

Двигаясь под натиском карателей к Поволжью, Пугачев приказал Салавату взять Бирск, и несмотря на большие трудности, приказ этот был выполнен. 22 июня Пугачев и Салават совместными силами атаковали крепость Осу. Во время этих боев Салават был серьезно ранен неприятельской пулей в ногу. Пугачев с большим сожалением вынужден был отпустить своего любимца для лечения в родные места.

Потерпев в июле поражение под Казанью, он двинулся затем на юг. В конце августа Михельсон настиг Пугачева у Царицына и нанес ему окончательное поражение. С несколькими десятками казаков Пугачев успел переправиться через Волгу и уйти в степь. Окруженный со всех сторон царскими войсками, он метался по степи, стараясь пробиться на Яик. Бывшие с ним казацкие старшины изменили своему вожаку и выдали Пугачева царским войскам. Это произошло в сентябре 1774 года.

***

...В то время, когда закованного в ручные и ножные кандалы Пугачева, как страшного диковинного зверя, везли в деревянной клетке в Москву, чтобы предать жестокой и мучительной казни, повстанческое движение в горных районах Башкирии не только не утихло, но наоборот, к удивлению царских властей, разгорелось с новой силой.

Салават Юлаев, оправившись от ранения под Осой, и его боевые сподвижники были тому причиной. Центром своей деятельности Салават снова сделал окрестности Симского завода и деревни Ерал. Вместе со своим отцом он попытался нанести новый удар по Катав-Ивановскому заводу, администрация которого, оправившись от пережитого, сделала завод центром борьбы с восставшими на территории Сибирской дороги.

До октябрьских заморозков конники Салавата держали завод в осаде. К чести башкирского вожака, даже в этот, самый тяжелый период крестьянской войны он не позволял себе и своим соратникам поддаться националистическим устремлениям, стоял выше национальной розни.

10 сентября Салават и Юлай отправили на Катав-Ивановский завод специальное обращение об обмене и гуманном отношении с военнопленными. Автору этих строк довелось недавно ознакомиться в Уфимском краеведческом музее с текстом этого примечательного послания, адресованного «командирам и старшинам Катав-Ивановского завода». Вот текст упомянутого послания:

«Мы, главный атаман Юлай, сын Азналина, и исполняющий обязанности бригадира, главный полковник Салават, сын Юлая, обращаемся к командирам, приказчикам и старшинам Катав-Ивановского завода о нижеследующем:

Если к нам в плен попадает ваш человек, мы его не убиваем и не причиняем ему увечья. Если же наш человек попадает к вам в плен, вы его арестовываете и даже некоторых убиваете. Если бы у нас в сердцах к вам была злоба, мы могли бы при желании захватывать в плен и убивать большее число ваших людей, чем вы. Но поскольку в наших сердцах отсутствует злоба к вам, мы их не трогаем... Нам с вами, башкирам и русским, нельзя жить спорами между собой и разорять друг друга, ибо мы все верноподданные Его Императорского величества государя нашего Петра Федоровича Третьего».

В письме, которое доставил на Катав-Ивановский завод освобожденный Салаватом русский пленный солдат, содержалось также обращение освободить Мусабая Бикьянова, содержащегося под стражей на Катавском заводе, и давалось обещание освободить в этом случае второго русского военнопленного.

В конце октября карательным войскам, которыми командовал подполковник Аршеневский, удалось снять осаду с Катавского завода. Князь Потемкин обратился к Салавату с предложением сдаться.

Салават с гневом отверг это предложение князя. А положение его стало критическим. Выпал снег, который выдавал каждый его след врагу. С небольшим отрядом Салават ушел на лыжах в лес и скрывался там несколько дней неподалеку от любимой, воспетой им Юрюзани, в районе Катавских заводов. Здесь, у деревни Мендяшь 24 ноября 1774 года большой отряд поручика Лесковского сумел, наконец, выследить Салавата и окружить его. После перестрелки народный герой был схвачен и под усиленным конвоем отправлен в Уфу, где уже находился арестованный раньше его отец Юлай.

***

...Медленно, трясясь на ухабах, движется арестантская телега. В ней – двое арестантов-колодников, закованных в ручные и ножные кандалы. По краям, впереди и сзади – не смыкающий глаз конвой. Это везут в Москву для допроса в Тайной экспедиции «самых главных башкирского народа предводителей» - Салавата Юлаева и его отца Юлая Азналина.

Мужественно и стойко держится на допросах Салават. «На предерзости уклоняться скор, а на призвание упрям» - такое заключение сделали в Тайной экспедиции после допросов Салавата.

Из Москвы арестантов велено было отправить в Оренбург, а оттуда в апреле 1775 года губернатор И. А. Рейнсдорп распорядился перевезти Салавата и Юлая в Уфу.

6 июля губернатор подписал, наконец, приговор, считая расследование законченным. Салават и Юлай были приговорены к 175 ударам кнута каждый, вырыванию ноздрей, клеймению и вечной каторге. Два месяца продолжались истязания, во время которых отца и сына возили по тем селениям, где действовали их отряды. В архивах сохранился список этих селений с точным обозначением числа ударов, полученных «государственными преступниками» в каждом из них.

Салавата избивали на Симском заводе, в деревне Юлаево, в Лаклах, Краснофимской крепости, Кунгуре, Осе и деревне Куркино.

Юлай получил по 45 ударов кнутом на Симском, Катав-Ивановском и Усть-Катавском заводах и 40 ударов в деревне Орловке, что лежит между Катав-Ивановском и Усть-Катавом. А в конечных пунктах этого длинного скорбного пути у Салавата и Юлая были вырваны ноздри, а на лбу и на щеках их палач выжег раскаленным тавром три буквы: «В», «И» и «У», что должно было означать «вор и убийца».

Два месяца длились эти мучительства, но и на этом истязания не кончились. Перед самой отправкой на вечную каторгу палачи вдруг

усмотрели, что у арестантов «ноздри уже совсем заросли, а у Юлайки ставленные знаки совсем не видны», а посему последовало распоряжение:

- Ноздри подчистить вновь, а Юлаю знаки поставить явственнее.

Палачи незамедлительно выполнили жестокий приказ.

3 октября 1775 года Салават и Юлай под конвоем драгун были отправлены из Уфы на вечную каторгу, которую им надлежало, согласно приговору, отбывать на берегах далекого Балтийского моря.

***

Есть в Эстонии к западу от Таллинна портовый город Пальдиски. До революции носил он название Балтийского порта, а еще раньше – крепость Рогервик. Этой крепости и суждено было стать местом долголетнего заточения Салавата и его отца.

В последних числах ноября 1775 года конвой с арестантами сделал остановку в Ревеле (нынешнем Таллинне). Пятидесятиметровая угловая башня Ревельского замка, известная под названием «Длинный Герман», приняла узников в свою средневековую темницу. А 29 ноября заключенных повезли дальше на запад, в Рогервик.

Вместе с Салаватом и Юлаем, как теперь это документально установлено, здесь отбывали каторгу и другие активные деятели крестьянской войны. Среди заключенных находились полковник пугачевской армии Канзафар Усаев, воевавший вместе с Салаватом, член военной коллегии повстанцев Иван Почиталин, Емельян Теленов, Евстафий Долгополов и другие активные участники мятежа.

Двухъярусные нары в каменном склепе служили арестантам для сна. Питание было настолько отвратительным, что почти поголовно все они

страдали от цынги и других болезней. А обращение тюремщиков – таким зверским, что когда ученый немец, доктор философии из Эрфурта Иоганн Христоф Петри посетил Балтийский порт в конце XVIII века и затем позднее, уже в царствование Александра I выпустил книгу об этом, он, как неоспоримое достоинство, свидетельствующее о несомненном смягчении нравов на рогервикской каторге, посчитал нужным отметить, что «носы и уши больше тут не отрезают, а только разрезают, вспарывают, и клеймение лица совершается теперь уже не раскаленным железом, но острым холодным железом».

Заклученных заставляли грузить тяжелые грузы на корабли, приходившие в порт. Использовали их на постройке и ремонте мола. Рогервик имел важное стратегическое значение.

6 марта 1790 года к порту подошли шведские фрегаты «Улла Ферзен» и «Яррамас» и подвергли его обстрелу. 2 мая шведский флот в составе тридцати кораблей под командованием герцога Зюдерманландского напал на русскую эскадру в Ревеле, но потеряв два корабля, шведы отступили.

С надеждой вслушивались узники в пушечную пальбу, доносившуюся до них. Но шведский десант высаживался в Рогервике вовсе не затем, чтобы освободить русских каторжников. К тому же на время военных действий арестантов велено было накрепко запираить в казематах.

Многолетнее пребывание на каторге не сломило мятежного духа пугачевцев. Красноречивое подтверждение тому мы находим в книге «Новейшее описание Лифляндии и Эстляндии», принадлежащей перу уже упоминавшегося нами Иоганна Петри. Эрфуртский философ описывает в ней разговор между пугачевцем-каторжником и некой мадам Шварц, женой одного из тюремщиков, для которой арестант колол дрова.

- Что ты так пристально смотришь на меня? – спросила мадам Шварц у каторжника. На что тот с усмешкой ответил:

- Я люблю вашу жирную шею и вспоминаю, как я двадцать лет назад при Пугачеве много таких шей перерезал.

«Мадам Шварц уверяла меня, - пишет Петри, - что у нее кровь в жилах застыла и что она от страха могла произнести только слова:

- Уходи прочь, отвратительный человек!

Русский совершенно спокойно погладил бороду и ушел».

Долгое время историческая наука не располагала никакими документальными данными о пребывании Салавата на каторге. Лишь в 1945 году Башкирский институт истории языка и литературы имени Мажита Гафури получил из Государственного архива Эстонской ССР копию дела № 42, которое документально подтвердило этот факт.

В «Статейном списке», датированном 19 мая 1797 года, перечислялись находившиеся в Рогервике каторжане. Среди 27 арестантов упоминались Салават и его отец Юлай.

Против фамилии Юлая Азналина стояла пометка: «75 лет, дряхл, на ногах от застарелой цынготной болезни раны». Против фамилии Салавата, которому было 45 лет, стоит короткое слово «Здоров». Вместе с Салаватом только двое – Канзафар Усаев и Иван Почиталин – были признаны лекарем «не имеющими болезней». «Прочие все дряхлы и разными болезнями страдают».

***

Но когда же и где умер Салават? В «Статейном списке» ответа на этот вопрос не содержалось. Дата смерти Салавата Юлаева, а точнее говоря, дата его гибели на царской каторге, стала известной совсем недавно. Честь этого открытия принадлежит научному сотруднику Башкирского филиала

Академии наук СССР В. Сидорову, которому помогали работники Эстонского архива.

12 января 1973 года в Уфе состоялось очередное заседание Ученого совета Института истории, языка и литературы, на котором В. Сидоров сделал сообщение об обнаруженных в фондах Центрального Государственного Архива Эстонской ССР новых, ранее неизвестных документов, позволивших установить время и место смерти Салавата Юлаева.

При разборе дел Эстляндского губернского правления были обнаружены два рапорта некоего Дитмара.

«В Эстляндское губернное правление. От находящегося при Балтийской инвалидной команде майора Дитмара. Сего месяца 26 числа помер каторжный невольник Салават Юлаев, о чем сим донести честь имею. Майор Дитмар. Сентября 28 дня 1800 года. Балтийский порт».

Во втором рапорте, отправленном четырьмя днями позже по тому же адресу, майор Дитмар докладывал:

«Находящиеся в моем ведении каторжные невольники 12 человек, которые и состоят благополучно. Против прежде поданной таковой же ведомости убыль. Помер сентября 26-го дня Салават Юлаев, о чем сим донести честь имею».

Видимо, даже спустя четверть века, каторжник Салават был на особом счету у властей.

Всего 48 лет прижил Салават, хотя имел от природы богатырское здоровье. И в этом нет ничего удивительного, потому что 25 лет из них он прожил в нечеловеческих условиях царской каторги.

***

Прошли годы, долгие годы борьбы трудового народа за свои права. И все это время башкирский народ бережно хранил память о своем герое. Есть в Уфимском краеведческом музее драгоценный экспонат, хранящийся под стеклянным колпаком. Это – седло Салавата Юлаева. Старый башкир из деревушки Казырбак, что лежит на берегу Юрюзани, подаривший бесценную реликвию музею, рассказал:

«Давным-давно это было. Еще к прадеду моему прискакал однажды всадник и передал это седло. «Спрячь и сохрани, - сказал он. – Умирать будешь – сыну строго накажи, чтобы хранил. Тот – своему сыну. Придет такое время, явится к вам человек и скажет про седло, что нужно показать его людям. Вот тогда и отдайте. А человек такой обязательно придет. Придет, рано или поздно».

Это время настало после Великой Октябрьской социалистической революции.

***

Двести лет прошло с начала крестьянской войны, когда народные массы под руководством Емельяна Пугачева поднялись на освободительную борьбу, чтобы добиться для себя и своих детей лучшей доли. И сегодня потомки отважных бунтарей на свободной советской земле чтут их светлую память.

Один из городов Саратовской области носит имя Пугачева. А на карте Советской Башкирии вы без труда найдете город Салават – молодой город башкирских нефтяников. Народные герои по-прежнему живы в памяти народа.